

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аудиокниги в России. // КомпьютерПресс. – 2005. № 8. // URL: <http://www.compress.ru/article.aspx?id=14389&iid=684/>
2. Будущее рынка США – за литературой для детей и юношества в электронном формате // URL: <http://www.web-kniga.com/news/2009-01-12-164/>
3. Интернет в России. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад. 2010 год / Под общ. ред. Д. М. Чистова, К. Р. Казарьяна. – М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям; Управление телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, 2010. – 80 с.
4. Книгоиздание в России: Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад. 2009 год / Под общ. ред. В. В. Григорьева. – М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям; Управление периодической печати, книгоиздания и полиграфии, 2010. – 119 с.
5. Книжный рынок России: Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад. 2009 год / Под общ. ред. В. В. Григорьева. – М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям; Управление периодической печати, книгоиздания и полиграфии, 2010. – 97 с.
6. Маклюэн Г. М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. – К.: Ника-Центр, 2003. – 423 с.
7. Нехаенко А. Этот читающий мир. // URL: <http://www.computerra.ru/vision/423520/>
8. Российский рынок периодической печати. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад. 2009 год / Под общ. ред. В. В. Григорьева. – М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Управление периодической печати, книгоиздания и полиграфии, 2009. – 100 с.
9. Требования к условиям реализации основной образовательной программы начального общего образования. Гигиенические требования // URL: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=742/>

УДК 821.161.1.09+929Абрамов

С. А. Груша

«ПАТЕРИК» Ф. А. АБРАМОВА

В статье исследуются традиции русской агиографии в творчестве Ф. А. Абрамова, анализируются различные способы введения житийных элементов в светские произведения на примере ранее не рассматриваемых рассказов писателя «Пролетали лебеди», «Сказание о великом коммунаре», «Олешина изба» и др.

Ключевые слова: творчество, рассказ, агиографическая традиция, герой-праведник.

Интерес Ф. А. Абрамова к древнерусской агиографии составляет одну из доминант его творчества. Уже в самом первом рассказе писателя «В Питер за сарафаном», опубликованном в 1961 г., заявлено стремление создать житийную летопись русского Севера, где не только хранились в памяти

людей древние сказания, предания, былины, но и продолжалось преумножение их словом, деянием, поступком [2: 94–100].

Истоки интереса Ф. А. Абрамова к фольклорному и древнерусскому пласту культуры следует искать в его детстве. Писатель родился и жил на Севере, где сильна древняя книжная традиция. Он с глубокой трепетностью вспоминал свою тётушку-староверку Иринью Павловну, «большую книгочейшу», знатока житийной литературы, духовных стихов и апокрифов, от которой он узнал о северорусских народных святых. Именно тогда были заложены основы творчества Ф. А. Абрамова, его тяга к своим героям-подвижникам, страдающим за истину.

К древнерусской традиции отправляет читателя название рассказа «Сказание о великом коммунаре», которое предполагает повествование не просто о жизни и деяниях главного героя, а, выражаясь словами Д. С. Лихачёва, «вечном, вневременном, “духовном”, божественном» [5: 102]. Пятнадцать лет (1963–1979) вынашивал писатель «Сказание о великом коммунаре»: десятки страниц документальных записей, десятки заметок, несколько набросков и вариантов произведения. А ещё больше авторских размышлений о смысле подвига, о характере и трагедии подвижника и отношении к нему окружающих. Материала было собрано на целую повесть.

Но в рассказе подвиг Силы Ивановича воссоздан в одной ипостаси как проявление небывалой силы духа и мужества человека. «Раз я Силой родился, дак мне и дела надоть по моим силам» [4, 198], – заявляет герой и сорок лет в одиночку осушает болото. Интересно, что в размышлениях Ф. А. Абрамова о тех силах, которые питали подвижнический дух крестьянина, называются два источника: сказания о русских богатырях и Четьи Минеи, рассказывающие о подвиге великих страсготерпцев.

Жанровое же своеобразие рассказа определяется ориентацией на краткие проложные жития. Нарушая традиционный порядок расположения частей, автор начинает повествование с посмертных чудес. Вот уже несколько лет подряд августовские заморозки бьют весь урожай в районе, и только хозяйство Санникова, словно заколдованное, утренник обходит стороной.

Жизнь Силы Ивановича полностью вписывается в агиографическую модель поведения. Аскетизм в быту подчёркнут несколькими деталями: дом, пропахший сыростью и болотом, напоминающий скорее монашеский скит, деревянная кровать, целый сундук изработанных рукавиц, топор с тоненькой, отполированной его руками рукоятью и с таким же черенком единственная железная лопата.

Характер героя статичен. Бескорыстное служение людям и готовность к самопожертвованию – главная его черта: «Зарплаты не платили, канавокопателей и всякой техники не было. Всё лопатой» [1: 200], «Всё тратил на осушку болота. Хозяйство запустил» [1: 564], «Ежели нам, говорит, не суждено хорошей жизни увидеть, дак пуцай, говорит, хоть наши дети увидят [1: 200] – именно такие мысли неотступно повторяются в набросках автора к рассказу.

Сила Иванович добровольно принимает жизнь, полную тягот, но он остаётся непреклонен в достижении своей цели, не сдаётся природе, которую он решил победить: *«Болото медленно входило в него. Сначала ноги, потом руки. Потом дошло до поясницы. Отнялась поясница. Но ещё оставались руки». «Ноги и руки распухли, не слушаются»* [1: 553].

Силой Ивановичем в жертву принесено всё. В одной из заметок к рассказу читаем: *«Махнул на сестёр, отказался от личной жизни, от женьшеньки»* [1: 562]. Рассматривался автором и другой вариант: *«Сын, дочь не любят отца. Много приняли из-за него страданий. Да заморозки от деревни отогнал, доброе дело сделал, но какой ценой?. Кто расплачивался прежде всего за это? Жена, которая всю работу по хозяйству вела. Не знала хорошей жизни. Каторга. И страдали дети... они тоже смалу надрывались на работе, не знали детства»* [1: 562].

Кроме того, в образе главного героя обнаруживаются традиционные признаки юродства. В рассказе реализуется один из возможных вариантов юродства – мнимое безумие. Сумасшедшим, чокнутым называют люди Силу Ивановича. Идеальный язык юродивого – молчание. Герой рассказа поднимается выше людской суеты: *«Люди пахнут, сеют, воют, а он одно знает – войну с болотом. В гражданскую, сказывают, тут, в Шавогорье, страсть что было. Один конец деревни у белых, другой у красных. А он – знать ничего не хочю»* [1: 198].

Как известно, со времён раскола, юродство вставшее в оппозицию официальной Церкви, оказалось под запретом. Похожее противостояние изображено и в рассказе. Старушки вспоминают: *«Он ведь и в церкву не ходил, – в воскресенье робил. Батюшко, бывало, всё стращал: прокляну, тебя, еретика. А ему и дела мало: я, говорит, лопатой, крещусь каждый день с утра до вечера. Вот моя молитва богу»* [1: 472].

Идеальным костюмом юродивого является нагота, едва прикрытая обветшавшей, лоскутной рубахой. Описание одежды героя Абрамова в точности соответствует агиографическому канону: *«Ходил в заплатанной одежде, в длинном каботе. Заплаты разноцветные»* [1: 552]. Такая одежда напоминает костюм древних мимов, шутов или скоморохов. На это же указывает и автор, называя своего героя ряженым. «Юродивый – актёр, – утверждает А. М. Панченко. – Он главное, но не единственное лицо представления... Он руководит толпой и превращает её в марионетку, в некое подобие коллективного персонажа» [8: 394]. Именно такое влияние Силы Ивановича на толпу описывает Ф. А. Абрамов: во время Гражданской войны, когда старик шёл полем к своему болоту, бои между белыми и красными стихали, те и другие ждали, когда пройдёт.

Стереотипной формулой в агиографии является отверженность юродивого, действия которого непонятны окружающим, за что он и вынужден терпеть унижения, гонения, поношения. Сумасшедшим стариком пугают матери детей. Обратим внимание на противопоставление «мудрой глупости» юродивого и «глупой мудрости» грешного мира. Герой покорно терпит унизительные поношения, безмолвно сносит побои толпы: *«А он эдак*

берестом только голову прикрывает. Кажинный раз, и вперёд, и назад, как грешник, по деревне-то идёт» [1: 201].

Показательно, что, описывая действия героя, автор чаще всего использует слова со значением движения, и у читателя возникает ощущение постоянного многотрудного восхождения героя, а его жизненный путь, исполненный тягот, страданий и поношений, уподобляется крестному пути Иисуса Христа, что вполне соответствует древнерусским источникам, в которых сам подвижник сравнивается со Спасителем.

И умирает герой, как подобает блаженным, неведомо где и когда. И святость его осознаётся окружающими только после смерти.

Зарождение культа местночтимого светского святого исследует Ф. А. Абрамов в рассказе «Олешина изба». В название своего произведения писатель выносит имя героя, что соответствует традициям агиографической литературы. Знакомство с черновиками писателя говорит о том, каким долгим, важным и значимым был выбор имени героя для автора. Возможно, выбор был сделан под влиянием «Жития Алексея, Человека Божьего».

В соответствии с классификацией житий по типу героя, предложенной В. В. Кусковым [4: 3–12], рассказ Ф. А. Абрамова «Олешина изба» можно соотносить с житиями столпников, уходящими от мира, который «во зле лежит». Главный герой рассказа уходит в лес, на самой высокой сосне сооружает помост по типу охотничьего лабаза и поселяется там. Его уход из посёлка многие воспринимают тоже как своеобразный протест миру: «*Несработка с начальством вышла» [1: 173].* Прежде Олеша голыми руками пни корчевал, работал на совесть, с душой, до усталости. Один «*пять норм выгонял*». Но появились тракторы, и «*Олеша пошёл под откос» [1: 170].* Никому не нужна стала сила. Противопоставление двух миров: мира героя и мира начальства, которое интересуют только цифры, – наиболее ярко звучит в авторских пейзажах. Старинной и вольностью веет от места, выбранного для своего жилища Олешей: «*Место вокруг было сухое, красивое. Кудрявые, пружинистые заросли пахучего можжевельника, розовый иван-чай в рост человека, сосны, старые, разлапистые, словно стадо разбредшихся мамонтов по беломошнику...*» [1: 162–163]. А вот другой мир: «*...по сторонам война прошла. Бессчётные пни-надолбы, ежи-коряги, взрытая, вздыбленная земля, искромсанные, измочаленные ели и берёзы - вповалку, крест-накрест, как, скажи, поверженные в бою солдаты» [1: 162].* Противопоставленные друг другу пейзажи подчёркивают стремление человека к духовному идеалу, которого так недостаёт в пошлой обыденности современной жизни.

Несомненно влияние на Ф. А. Абрамова личности протопopa Аввакума, выступавшего в эпоху раскола главным идеологом русского старообрядчества, борцом за правду, истинную веру. Его раскольничьи сочинения с их ярко выраженной публицистичностью и полемическим характером были близки по духу писателю. Именно поэтому образы, сюжеты и каноны «Жития Аввакума» нашли самое широкое осмысление в творчестве писателя.

«Истинным шедевром» в плане «тонкого и глубокого художественного анализа феномена русской веры и святости» [6: 192] назвала С. Ю. Николаева рассказ Абрамова «Из колена Аввакумова». Он повествует о подвиге веры, совершенном русской женщиной, и содержит в себе ключевые жанровые признаки жития. Несомненны аллюзии и реминисценции из «Жития Аввакума» в воспоминаниях главной героини Соломиды о лагере и карцере.

Другим примером обращения Ф.Абрамова к жизни и творчеству «огнепального протопопа» являются три вполне самостоятельные повествования «Из жития Евдокии-великомученицы», включённые в роман «Дом». Автором предложено следующее сопоставление: неистовый Аввакум с его верной спутницей-страдальницей Настасьей Марковной и «пламенный революционер» Калина Иванович, герой Гражданской войны, герой первых пятилеток, негиббемый энтузиаст революционной идеи со своей верной подругой Евдокией Савельевной.

В рассказе о жизни Дунаевых налицо все черты средневекового жития: устойчивые особенности повествования, широкий пространственно-временной фон, движение и раскрытие героев во времени, «мотив испытания». Внутренний сюжет «Жития Аввакума» и «Жития Евдокии-великомученицы» – становление личности героя. Поэтика абрамовского жития также очень близка своему старообрядческому образцу. Оно также носит исповедальный характер.

Надо отметить, что в обоих произведениях Ф. А. Абрамова именно женщина сравнивается с Аввакумом, из её уст звучит повествование о многотрудной и многострадальной жизни. Именно женщина является для писателя носительницей и хранительницей христианской нравственности, хотя в произведениях древнерусской литературы женский образ встречается не столь часто и играет чаще всего второстепенную роль.

Таким образом, можно утверждать о существовании в творчестве Ф. А. Абрамова своеобразного патерика. Присущая патериковым рассказам занимательность, сюжетность повествования, сочетание невероятного с бытовыми эпизодами свойственны и рассмотренным произведениям писателя. Его рассказы, как и патериковые жития, имеют характер дидактических новелл, повествующих о жизни подвижников духа и веры. Объединяет их и общая цель – пробудить в людях горячее желание подражать тому или иному святому, их истину сделать нормой житейского поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Ф. А. Собр. соч.: В 6 т. – СПб.: Художественная литература, 1993. – Т. 4. – 672 с.
2. Груша С. А. Рассказы Ф. Абрамова в детском восприятии // Детская литература и воспитание: Материалы Международной научно-практ. конф. «Детская литература и воспитание». – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. – С. 94–100.
3. Ильин И. А. О русской идее // Ильин И. А. Для русских. – Смоленск: Посох, 1995. – С. 66–75.

4. Кусков В. В. Характер средневекового мирозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой половины XIII в. // Вестник МГУ. – Сер. 9. Филология. – 1981. – № 1. – С. 3–12.
5. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
6. Николаева С. Ю. Древнерусские памятники в литературном процессе (от Г. Р. Державина до Ю. П. Кузнецова) : монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. – 252 с.
7. Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. // http://krotov.info/acts/06/turskiy/alexu_lat.html.
8. Панченко А. М. Юродивые на Руси // Панченко А. М. Русская история и культура: Работы разных лет. – СПб.: Юна, 1999. – С. 392–407.

УДК 821.161.1.09+929Соколов

С. В. Диваков

ИЗУЧЕНИЕ ЖАНРОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ ТВОРЧЕСТВА САШИ СОКОЛОВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье ставится вопрос о необходимости изучения жанровых особенностей творчества одного из крупнейших современных русских писателей Саши Соколова. Жанр рассматривается как содержательная форма, а также как форма проявления художественной индивидуальности писателя на фоне исторически сложившейся жанровой традиции.

Ключевые слова: жанр, раннее творчество, очерк, рассказ, рецензия, информационная заметка, стихотворение, роман, эссе.

Существуют различные методы анализа литературного произведения. Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки. Однако наиболее актуальным на сегодняшний день нам видится жанровый подход. Прежде всего, этот метод анализа актуален для произведений современной литературы, особенно если принять к сведению то пристальное внимание, которое сами авторы уделяют жанровой атрибуции своих произведений. Жанр как содержательная форма включает в себя не только набор определённых приёмов организации текста, но и «формы видения и осмысления определённых сторон мира» [3: 332]. Таким образом, жанровый подход позволяет учитывать как формальную, так и содержательную сторону произведения.

Как известно, «жанры с трудом поддаются систематизации и классификации (в отличие от родов литературы), упорно сопротивляются им» [9: 333]. Это, в первую очередь, связано с тем, что каждый крупный художник слова вносит в традиционную жанровую структуру произведения что-то своё.

Несомненно, одним из самых своеобразных художников слова с жанровой точки зрения является Саша Соколов. Практически все его зрелые произведения представляют собой сплав различных жанров, становясь мультижанровыми и даже сверхжанровыми в своём стремлении преодолеть любые формальные ограничения. Саша Соколов обращается к различным жанрам как к кладям формальных приёмов, с помощью которых в ли-